

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

УСТЬ-ИЛИМСКИЙ ФИЛИАЛ ГОУ ВПО

«ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

Кафедра Изобразительного искусства

КУРСОВАЯ РАБОТА

по Истории изобразительного искусства

«Отец Сальвадора Дали и Федерико Гарсиа Лорка в творчестве Сальвадора Дали»

УСТЬ-ИЛИМСК

2010

Введение

Актуальность темы

Ушедший в прошлое двадцатый век был богат на разные события - здесь и разные войны, произошедшие в разных странах, и становление многих новых стран, и восход и закат всяких разных художественных направлений, но наиболее интересным и богатым двадцатый век стал на появление разных гениальных и интересных личностей, в ходе жизни которых мир поменялся в другую сторону, и, причем именно эти личности и создали мир таким, каким он есть. И к их числу относятся такие наиболее яркие личности как Сальвадор Дали, художник, который поднял не только почти угасшее искусство своей страны, но и показал, что такое настоящий сюрреализм, который до сих пор жив и иногда являет нам свое «Я». Сюрреализм впервые был показан как зеркало эпохи классицизма и реализма, отражающее бессознательное с максимальной точностью, как если бы эти сюжеты высвечивались у нас в головах и проецировались на холст. Именно поэтому сейчас и загорелся интерес в нашей стране к великому сыну Испании - Сальвадору Дали, что может быть связано как с переизбытком действительно сюрреалистичных ситуаций в жизни, так и тем, что сейчас многие идеи можно использовать из арсенала Дали прямо в той же жизни.

Но присутствует до нынешних дней некоторые проблемы понимания символов в картинах Дали, таких как кузнечики, лежащая и появляющаяся как мираж голова, лев и другие, связанные с отцом и Лоркой темами, в основном, все непонимание и загадочность этих тем идет от долго игнорируемого в нашей стране самого художника и его работ, а также малого количества информации. В работах Дали было много разных тем за всю его жизнь, но самыми частыми, даже иногда и в пересечении с другими темами были темы отца Сальвадора Рафаэля Анисето и действительно единственного друга за всю жизнь Испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки. Эти два человека определили путь и вектор всей жизни, прочертили и дали художнику многое. Именно поэтому с самого начала необходимо также, помимо

разбора отношений между ними (Дали и его отец, а также Дали и Лорка) и разбора основных работ на эти темы, провести также и биография всех трех человек с самого начала, чтобы многое стало понятно в анализе самой работ.

Раскрытие темы

Сначала надо определиться с самим содержанием темы. Итак первое - это исторические сведения о роде Дали, то есть небольшое путешествие к тому моменту, когда в Испании появилась фамилия Дали, история рода и небольшие и наиболее значимые события из жизни отца, самого Дали и Лорки, которые будут иметь отражение в работах, также имеет смысл поставить биографию Федерико Гарсии Лорки и встречи его и Дали для большего понимания отношений между этими двумя людьми, поскольку имеет место принятия отношений между ними за заведомо неправильное объяснение - якобы гомосексуальные. И, наконец, анализ самых наиболее явных и значимых картин, с объяснением символов и смысла по истории. Также будет по тексту и отдельно объяснение отношений, как уже говорилось, и возможное влияние этих отношений на дальнейшую жизнь столь непохожих друг на друга людей и в то же время связанных узами людей - отца Сальвадора Дали, самого Дали и Федерико Лорки.

Глава первая. Отец

«Я сын Вильгельма Телля, превративший в золотой слиток то двусмысленное «каннибальское» яблоко, которое отцы мои, Андре Бретон и Пабло Пикассо, поочередно в опасном равновесии прилаживали у меня на голове. На бесценной и такой хрупкой и такой прекрасной голове самого Сальвадора Дали! Да, я действительно считаю себя Сальвадором Спасителем современного искусства, ибо я один способен возвысить, объединить и с царственной пышностью и красотой примирить с Разумом все революционные эксперименты современности, следуя великой классической традиции реализма и мистицизма, этой высочайшей и почетнейшей миссии, выпавшей на долю Испании».

Итак, сейчас, когда Сальвадора Дали не стало, когда клоунада и бутафория кончились, что можно сказать о том следе, который оставил художник? Что касается его живописи, несомненно, что все, созданное им между 1926 и 1938 годами, - это великие достижения, это подлинное искусство, которым мы восхищаемся и за которое искренне благодарим гения. Что касается литературных трудов, мы находим значительными некоторые его тексты по теории искусства, включая эссе об «Анжелюсе» Милле и в особенности «Тайную жизнь Сальвадора Дали». Все это было создано до того, как Дали исполнилось сорок лет.

И создано под влиянием сюрреализма, который начался для Дали за три года до появления Галы и до знакомства художника с Бретоном. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что сюрреализм, с его намерением исследовать, освободить и выражать всю глубину психического в человеке, а также с его стремлением эпатировать буржуа, стал именно тем импульсом, в котором так нуждался молодой Дали. Его маниакальное увлечение (и подлинный дар) постепенно, в малых дозах, подготовили почву для того, чтобы он стал Мейсонье сновидений; нацеленность

сюрреализма на уничтожение морали неизбежно должна была привлечь этого человека, ненавидевшего церковь и государственную систему, убежденного учением Фрейда в том, что настоящим героем является личность, восставшая против своего отца и покорившая его. Идея поражения Сальвадора Дали Куси выросла до эпических масштабов.

История рода Сальвадора Дали и отношения с отцом

Приходские книги льерсской церкви, которые, к счастью, уцелели во время Гражданской войны, позволяют проследить линию предков Дали шаг за шагом вплоть до конца XVII века, но не далее. Более ранние документы обнаружены в Историческом Архиве города Жероны, столицы провинции. Хотя в переписи населения Льерса от 1497 года не упоминаются никакие Дали, уже нотариальные записи, датированные 12 апреля 1558 года, включают в список жителей Льерса некоего Пере Дали. Этот человек мог быть отцом Хуана Дали, который, согласно документам XVII века из того же архива, купил небольшой участок земли в Льерсе в 1591 году, в свою очередь, унаследованный его сыном Грегори, а уж потом - его внуком, тоже Грегори, продавшим дом в 1699 году. Именно этот Грегори является первым Дали, чье имя мы встречаем в уцелевших документах Льерса.

В начале XIX века Сильвестр Дали Рагер, старший брат Пере-кузнеца, переехал по неизвестным причинам из Льерса в уединенную деревушку Кадакес, расположенную в сорока милях по другую сторону, прибрежных гор. Первое упоминание о нем в приходских книгах Кадакеса относится к 1804 году, когда было зарегистрировано крещение его сына Фелипе. Профессию Сильвестра установить не удалось. После смерти своей первой жены Пере Дали последовал за своим братом в Кадакес, где в 1817 году женился вторично на местной девушке - Марии Круаньес. Некоторые записи в приходских книгах Кадакеса называют его «кузнецом», поэтому можно смело утверждать, что после переезда из Льерса он продолжал свои занятия кузнечным делом. Пере Дали и Мария Круаньес произвели на свет трех сыновей - Пере, Каэтано и в 1822 году - Сальвадора, прадедушку будущего художника. Последний женился на Франсиске Виньяс в 1843 году, чей отец, согласно регистрационной записи, был «работником», хотя в других документах о нем говорится как о «моряке». Многими годами позже каталонский писатель Хосеф Пла утверждал, что Сальвадор Дали Круаньес и его жена вели весьма бурную жизнь, что, к несчастью, привело к разводу. У Сальвадора Дали Круаньеса и Франсиски Виньяс было двое детей: Анисето Раймундо Сальвадор, родившийся в 1846 году, и Галь Хосеф Сальвадор, родившийся 1 июля 1849 года. Галь, названный в честь Святого Галя, чей праздник приходился на 1 июля, жил с двадцати лет с замужней женщиной из Розеса, Терезой Куси Марко, которая была на пять лет старше его, и ее дочь Каталиной Бертой Куси, рожденной в 1863 году. Потом, 25 октября 1872 года она произвела на свет сына - Сальвадора Рафаэля Анисето, будущего отца художника, и 23 января 1874 года - своего последнего ребенка, Рафаэля Нарсисо Хасинто. Спустя два месяца после этого покинутый ею муж, Педро Берта, умер, и она вышла замуж за Галя. Тот факт, что Сальвадор и Рафаэль явились на свет незаконнорожденными, был скрыт от будущих поколений семьи.

Сальвадор Дали Куси, отец художника, в 1888 году успешно сдал экзамены на степень бакалавра и поступил на юридический факультет Барселонского университета. Его брат Рафаэль поступил на медицинский факультет двумя годами позже. Они были схожи как внутренне, так и внешне: крупные, порывистые, они часто и горячо спорили на темы религии и политики. Сальвадор отличался вспыльчивым характером, который так и не смог укротить. Без сомнения, Сальвадор и Рафаэль увлеклись каталонским движением за автономию (они крайне отрицательно относились к централизованной монархии Бурбонов) и стали горячими защитниками каталанского языка, который с XVIII века систематически вытеснялся испанским. Сальвадор, преданный делу каталонской автономии, после окончания университета выступил с серией лекций по данному предмету перед рабочей аудиторией в Барселоне. Сальвадор Дали Куси участвовал в любом споре с миссионерским рвением («всегда рвется в бой» - как отозвался о нем Хосеф Пла) и передал способность к быстрой, но аргументированной перемене взглядов своему сыну. Вскоре после этого Сальвадор Дали Куси решил открыть собственное дело - нотариальную контору, где составлял контракты, оформлял сделки и завещания, заверял подписи за вполне умеренную плату. Чтобы стать нотариусом, он самостоятельно изучил делопроизводство, которое не преподавали в университете, и подал документы в Министерство юстиции, чтобы сдать соответствующий экзамен. Тот, кто получал разрешение на открытие своей нотариальной конторы, доказав свою профессиональную пригодность, мог считать, что обеспечил себя до конца жизни. Так обстоят дела и по сей день. Знаменательно, что оба брата Дали избрали для себя профессии, гарантирующие постоянный доход и солидное положение в обществе (Серраклары выхлопотали для Рафаэля место доктора в пожарной команде Барселоны; с тех пор он места работы не менял). После банкротства и самоубийства отца братья старательно избегали риска.

29 декабря 1900 года в барселонской церкви Нуэстра Сеньора де ла Мерсед состоялось венчание Сальвадора Дали Куси и Фелипы Доменеч. Свидетелями были Альвар Вердагер, владелец книжного магазина, и знаменитый адвокат, друг жениха, Амадео Уртадо. Неизвестно, где молодожены провели медовый месяц, однако уже через несколько недель после свадьбы и переезда в новый дом в Фигерасе Фелипа была беременна. Ребенком был брат Сальвадора Дали, но он прожил всего 22 месяца и умер; после некоторого времени, когда она вылечилась у моря, Фелипа родила самого Сальвадора.

В городе Фигерас 13 мая 1904 года в 11 утра дон Сальвадор Дали-и-Куси, уроженец Кадакеса (провинция Жерона), владелец нотариальной конторы, сорока одного года от роду, женатый, проживающий в вышепоименованном городе на улице Монтуриоль в доме № 20, предстал перед муниципальным судьей доном Мигелем Комасом Кинтаной и секретарем суда доном Франсиско Салаи-и-Сабриа, дабы зарегистрировать по всей форме рождение младенца, это был сам Сальвадор. «Родители дали мне то же имя, что и брату. Меня зовут Сальвадором - Спасителем - в знак того, что во времена угрожающей техники и процветания посредственности, которые нам выпала честь претерпевать, я призван спасти искусство от пустоты.

Только в прошлом я вижу гениев, подобных Рафаэлю,- они представляются мне богами. Сегодня, может быть, только я один понимаю, почему никому и никогда не удастся их превзойти. Я знаю, что сделанное мною рядом с ними - крах чистой воды.» Родители любили Сальвадора и его младшую сестру Анну Марию, поэтому снабдили их самым оптимальным образованием, необходимым для будущей жизни. Детство мальчика прошло в Каталонии, на северо-востоке Испании. Сальвадор, наделенный большим воображением, общался с местными рыбаками и рабочими, познавая мифологию низших слоев общества и знакомясь с обычаями своего народа. Скорее всего, именно это повлияло на его дар и стало предпосылкой переплетения мистики с его творчеством. С юного возраста будущий художник отличался эксцентричным характером, часто приводил отца в гнев своими капризами и истериками, однако мать Фелипа Доменеч всячески старалась угодить любимому сыну, прощала ему самые отвратительные выходки, и как результат, отца Сальвадор стал недолюбливать, а мать в глазах сына приобрела статус лидера. Именно поэтому в будущем все проблемы и события, были связаны именно с отцом - пророчество «мой сын умрет под забором», постоянные неприятности, перепись завещание из-за одной неприятной семье картины, ссоры из-за бумаг, да и сам Сальвадор избрал своей одной из основных целей борьбу со старшим поколением как с закостеневшим и деградирующим пережитком прошлого, чтобы освободить себе и новому искусству место.

Думается, Дали был прав, отстаивая свои арабские, или, точнее говоря, мавританские, корни. Это имя встречается довольно часто в мусульманском мире; можно встретить фамилию Дали в тунисских, марокканских и алжирских телефонных справочниках (в различных вариантах: Dali, Dallagi, Dallai, Dallaia, Dallaji и особенно часто - Daly). Странно, что художник никогда не пробовал глубже вникнуть в этимологию. Тогда он с легкостью обнаружил бы в наречии каталонцев, живущих в районе Эбро, отголосок мусульманского прошлого Испании в существительном *dali*, происходящем от арабского «ведущий», или «проводник», которым обозначали особенно сильных рабочих, нанимаемых хозяином (*daliner*) для отбуксовки тяжелых лодок. Дали мог бы понять, что в каталонском слове *adalilu* и испанском *adalid* («лидер») лежит тот же арабский корень, довольно редкий в обоих языках (от которого также пошло арабское имя Далил, широко распространенное в Северной Африке). Дали любил повторять, что его имя - Сальвадор, свидетельствует о его предназначении стать «Спасителем» испанского искусства. Если бы только Дали знал, что его редкостная фамилия соответствует арабскому слову «ведущий», или «проводник», он, вне всякого сомнения, сообщил бы этот факт всему миру, так же как он сообщил ему о фонетическом соответствии *dali* каталонскому слову *delit* («восхищение», похожее слово существует и в английском языке - *delight*). Во всяком случае, он безмерно радовался исключительной редкости фамилии, подчеркивая звук «ль» энергичным прижатием языка к нёбу и делая сильное ударение на последнем «и». Сальвадор Дали не мог обладать более редким или красочным именем, и это доставляло ему безграничное удовольствие.

«На улице Монтуриоль в Фигерасе, на доме, где я рожден, висит мемориальная доска,

надпись для которой я придумал сам: «Здесь родился, жил, безумствовал и бесился Сальвадор Дали». Я подолгу бываю только в Порт-Льигате. Только здесь мне это абсолютно необходимо. С этой землей я накрепко связан пуповиной. Только здесь я ощущаю согласие с ритмом вселенной. Я дышу в такт морю и деревьям и обретаю равновесие, необходимое для живописи. Здесь я становлюсь центром мироздания». «Как-то раз за завтраком отец вслух прочел адресованное ему письмо из коллежа, извещавшее родителей о моем беспримерном прилежании и отменном поведении. В письме говорилось, что на переменах я сторонюсь товарищей и не принимаю участия в шумных играх, а стою себе в углу, разглядывая картинку с конфетной обертки (я до сих пор помню тот фантик с мученической кончиной Маккавеев). Подводя итог, наставники сообщали, что умственная лень укоренилась во мне так сильно, что надеяться хоть на какие-то успехи в ученье просто невозможно. Тот день моя мать провела в слезах. Надо сказать, что я действительно был обречен остаться на второй год, ибо не выучил и десятой доли того, что в азарте соперничества освоили мои одноклассники, приступом взявшие очередные ступени лестницы, ведущей вверх. Отец мой был прозорлив - он полагал, что мне следует стать писателем, хотя я понятия не имею ни о стиле, ни о синтаксисе. Однако смысл моих писаний даст сто очков вперед смыслу моих картин».

Когда Дали был семь лет, он опять напроказничал и устроил некрасивую сцену, из-за чего был наказан и не увидел комету, которая тогда появилась. «Я не видел кометы. Мне не дали посмотреть на нее - эта рана не зажила до сих пор. Запертый, я орал так громко и долго, что совершенно потерял голос. Родители перепугались. Заметив это, я пополнил диким ором свой арсенал и с тех пор орал дурным голосом по любому случаю. Расскажу еще об одной уловке. Я подавился рыбьей костью, и отец - не в силах выносить это зрелище - схватился за голову и выбежал в коридор. Впоследствии я не раз симулировал судороги, кашель и хрип затем только, чтобы увидеть, как отец схватится за голову и кинется прочь, я же наслажусь столь желанным знаком исключительного внимания к своей персоне. Родительский дом в Фигерасе. Мне двадцать три года. В приступе вдохновения я работаю у себя в мастерской - пишу большую кубистическую картину. Куда-то задевался пояс от халата - он болтается на мне, мешает, и я хватаю первое, что подвернулось под руку - шнур с электрической лампочкой на конце. Им и подпоясываюсь, благо лампочка ничего не весит и может сойти за помпон. Продолжаю писать, но вдруг появляется сестра и сообщает, что какие-то важные персоны желают со мной говорить. А надо сказать, что в ту пору я был уже достаточно известен в Каталонии - не столько картинами, сколько всякими выкрутасами. Я, конечно, разозлился, что помешали, но все же спустился в гостиную. Родителей несколько шокировал мой наряд, хотя лампочки, болтавшейся сзади, они не углядели. Любезно поприветствовав гостей, я сел в кресло, а точнее говоря, на лампочку, которая взорвалась, как бомба. Случай (а точнее говоря, объективная случайность) непредсказуемо, неизменно и абсолютно точно правит моей жизнью, обращая всякую чепуху в незабываемые, потрясающие события».

Анна Мария Дали вспоминает, как в годы ученья Сальвадора, когда семья собиралась

за обеденным столом, ее отец и брат вели нескончаемые споры между собой, и женская половина семьи слушала их с благоговением, не осмеливаясь вмешаться. Иногда дебаты были столь жаркими, что дон Сальвадор даже забывал о своей ежевечерней прогулке через улицу в клуб «Спорт», где его неизменно поджидала компания закадычных друзей.

Отец Дали был библиофилом и владел «многотомной библиотекой». Дали с раннего детства увлекался книгами, и не только потому, что среди них были переплетенные тома одного из известнейших испанских иллюстрированных журналов конца XIX века «La Ilustracion Catalana», страницы которого зачаровывали мальчика. Позже Дали перерыл философскую и политическую часть библиотеки - книги, помогавшие формированию радикальных взглядов нотариуса в годы его молодости. Самое сильное впечатление на Дали произвели своим яростным и хорошо аргументированным антиклерикализмом статьи «Философского словаря» Вольтера. Книга Ницше «Так говорил Заратустра» также оказала влияние на Дали, укрепив в нем стремление стать Сверхчеловеком в искусстве и одновременно поставив перед ним ряд вопросов, связанных с атеизмом отца.

«Когда я впервые открыл Ницше, я был совершенно потрясен его силой воли и тем, что он уверенно провозглашал: «Бог умер!» Как?! Я только что усвоил, что Бога нет, и вот мне говорят, что Бог мертв! Сомнения охватили меня. А Заратустра показался мне великим героем с колоссальной силой духа, восхищавшей меня. Однако он предал сам себя своим ребячеством, от которого я уже давно избавился. Когда -нибудь я стану более великим, чем он».

У нас нет свидетельств того, что юный Дали подумывает о вступлении в Коммунистическую партию Испании, но нет и сомнений в его безусловной готовности отстаивать революционные идеалы публично и выступить, если потребуется, против властей.

Дали и его друзья употребляли слово *putrefaces* (что означает «гнилушка», «тухляк») в адрес таких людей, как ректор. Ханжеское обсуждение образа жизни того или иного учителя, например, сразу же получало характеристику «тухлятина». Компания часто проводила время в выявлении подобных фактов на Рамбле, перемежая его дискуссиями о коммунизме. Все были помешаны на этом новом слове. Дали и его друзья по Фигерасу использовали словечко «тухляк» как определение обывателей. Это словцо, возможно, благодаря Дали, прижилось в Резиденции и стало обозначать все традиционное, буржуазное, несовременное. Дали рисовал «тухляков» во всех видах и позах, и эти остроумные рисунки были очень популярны в «Рези». По воспоминаниям поэта Рафаэля Альберти:

«Одни персонажи носили замусоленные шарфы, много кашляли и сидели в одиночестве на уличных скамейках. Другие выглядели элегантно, с цветками в петлицах, носили тросточки и прогуливались с маленькими собачками. Были «тухляки» - члены Академии, и «тухляки», которые не принадлежали к Академии. Они могли быть любого рода: мужского, женского, среднего и бесполое. И всех возрастов». Можно добавить что в современном мире используется, правда не по смыслу, слово «Сноб» (от лат. *sine nobilitate* - неблагородного происхождения), то

есть человек неблагородного происхождения, рвущийся в высшее общество и пытающийся доказать, что он достоин этого.

Самой большой ценностью в студии юного Дали было полное собрание книг по искусству издательства «Гованс и Грэй», первый том которого вышел в 1905 году в Лондоне и Глазго, на французском и английском языках. Каждый том содержал шестьдесят черно-белых иллюстраций великих мастеров, родившихся до 1800 года, и «представлял», как говорилось во вступлении, «разнообразные примеры живописи». Издание стало очень популярным, его разрозненные тома можно встретить даже в наши дни в антикварных книжных магазинах. Отец Сальвадора, по-видимому, начал собирать коллекцию с выходом первого тома или немного позже. Возможно, он даже подписался на него в 1913 году, когда был издан последний, пятьдесят второй том (о Лоренсе). По совпадению, как раз в этом году семья переехала в новый дом, где маленький Дали (ему было девять лет) мог разместить все собрание книг с тремя тысячами ста двадцатью черно-белыми иллюстрациями в его новой студии на верхнем этаже дома по Монтуриоль, 24. В «Тайной жизни» он вспоминает это собрание книг с благодарностью:

«Эти небольшие монографии, в таком раннем возрасте подаренные мне моим отцом, оказали решающее влияние на всю мою жизнь. Я выучил наизусть все эти картины, представляющие историю живописи, я узнал их с раннего детства, разглядывая целыми днями. Больше всего меня привлекала обнаженная натура, и, кроме того, я находил картину Энгра «Золотой век» самой красивой картиной на свете; я влюбился в обнаженную девушку, изображавшую фонтан».

Обучение, несомненно, включало и живопись, что подтверждено короткой статьей Дали, написанной в 1927 году, где говорится о «здравом смысле» одного из учителей коллеги. Этот человек, имя которого не упомянуто, давал своим ученикам простые рисунки, выполненные им с помощью линейки, и велел аккуратно закрашивать их акварельными красками. Его урок был прост: «Рисовать надо хорошо, а чтобы хорошо рисовать, не следует переходить границы». Дали, чьи лучшие работы отличаются тщательным исполнением мельчайших деталей, многим обязан этим первым урокам. Позже он вспоминал эти советы монаха в «Пятидесяти секретах магического ремесла». Жаль, что мы больше ничего не знаем об этом «простом мастере», который, не будучи силен в эстетической теории, тем не менее, дал своим ученикам некие «нормы поведения», которые могли стать основой этики художественной честности. Дали начинает пятую главу «Тайной жизни» с воспроизведения зимнего вида из окна первого класса коллеги с двумя кипарисами на переднем плане, изменчивой игрой света в ветвях деревьев на закате и наползающей на них тенью здания, привлекавшими его внимание своей «вертикальной архитектурой». Чуть позже, когда колокольный звон призывал к вечерней молитве, весь класс вставал, «и мы хором повторяли молитву со склоненной головой и молитвенно сложенными руками перед настоятелем». Проведя шесть лет в Коллеже Христианских Братьев, Дали оправдал ожидания своего отца - прекрасно овладел разговорным французским языком, хотя говорил с сильным каталанским акцентом. Но правописание, лежащее вне фонетической

области, осталось за пределами его возможностей - он так никогда его и не одолел. Впрочем, Дали даже не пытался писать грамотно на испанском или каталанском языках. Как у большинства испанских детей, у него были трудности с буквами «б» и «в», которые произносятся одинаково, да и не только. Из-за этой смеси французского, каталанского и испанского языков Сальвадор не научился правильно писать ни на одном из них.

О жизни Сальвадора Дали между 1912 и 1916 годами, проходившей поочередно то в Кадакесе, то в Фигерасе, осталось очень немного документальных свидетельств. Никаких относящихся к делу бумаг в архивах Христианских Братьев не обнаружено. Ни один из его учителей не оставил воспоминаний о будущей мировой знаменитости. Не нашлись и одноклассники Дали, большинство которых были французами. Что касается семейного архива Дали, унаследованного после смерти Анны Марии ее управляющим, то его содержание, за некоторым исключением, до сих пор не обнародовано. Собственноручный отчет Дали в «Тайной жизни» о тех годах настолько хаотичен, неполон и неаккуратен, что становится для биографа совершенно бесполезным. С другой стороны, характеристика, данная Анной Марией своему брату в период, когда ей самой было четыре-восемь лет, явно несвободна от текста «Тайной жизни» с его сомнительными воспоминаниями и пренебрежением к хронологии.

«Когда мне было семь лет, родители повезли меня в Барселону. В Эмпальме поезд стоял довольно долго, и мы вышли на перрон. Отец сказал:

- Видишь лоток? Поди-ка купи мне булочку! Поглядим, как ты справишься. Да смотри, не ватрушку, а булочку!

Я купил, принес. Отец позеленел от негодования:

- Я же вижу - это ватрушка!

- Была ватрушка,- отвечал я,- но вы хотели булочку, и я выкинул творог.

- Как выкинул?

- Вот так вот взял и выкинул!»

Вот так постоянно то, ненавидя отца за его непристойное и вызывающее поведение, то восхищаясь им как примером неподражаемой крепости и убежденной в своей правоте и начитанности, то сам удивлял его своей неосведомленностью и тупостью, то восхищая его своими диковинными поступками и удивляя своими картинами, они существовали друг около друга.

Если Дали восхищался своим сильным и вспыльчивым отцом, то последний не однажды позорил себя в присутствии сына. Как служащий дон Сальвадор не располагал возможностью проводить все лето с семьей в Кадакесе. Он, как правило, воссоединялся с ней по выходным, и дети каждый раз ждали его с нетерпением, и не только потому, что отец обычно привозил подарки. Однажды отец очень уж запоздал, и ожидание достигло предела. Наконец, такси остановилось перед дверью, и семья выскочила встречать главу дома. «Я обосрался», - громко объявил столп фигерасского общества всем и каждому, спешно направляясь к двери дома, но, не делая попыток скрыть происшедшее и даже явно радуясь этому, как показалось Сальвадору. Позже Дали вспоминал, что был унижен желанием отца обратиться

случившееся в «греческую трагедию», когда он мог просто незаметно проскользнуть в дверь. Этот случай, по мнению Дали, произошел, когда ему было десять или двенадцать лет, и «изменил его совершенно», явившись «поворотной точкой» его жизни. Для ребенка, глубоко стыдливого и уже склонного к самооценке, излишний натурализм в поведении отца явился подлинной психической травмой. Инциденту суждено было быть воспроизведенным в «Мрачной игре» Дали (1929) .

«Как-то мать спросила: «Миленький мой, скажи, чего тебе хочется, скажи!» А мне действительно хотелось. Хотелось, чтобы мне отдали крохотную комнатку на чердаке - бывшую прачечную, а ныне - чулан. Я ее получил и превратил в мастерскую.

Цементная ванна занимала там почти все пространство, и потому я поставил стул прямо внутрь ванны, а поперек положил доску - получился стол. Иногда в жару я раздевался, открывал кран и, не отрываясь от кисти и красок, принимал ванну. Как Марат. Вода текла из бака на крыше и была теплой. Многие из того, что я сделал после, я задумал и даже испробовал в той первой мастерской - всего не перечесать. Доподлинно знаю, что там выкристаллизовались крупинки соли, которая должна была приправить - вместе с перцем,- мой нрав. Именно там я придумал и, тренируясь у зеркала, довел до совершенства ту гримасу с ухмылкой, которой суждено было стать знаменитой.

Завтракая, я открывал для себя французский импрессионизм, ставший самой значимой художественной школой в моей жизни. Это была первая встреча с антиакадемической и революционной эстетикой. Я всматривался в густые и беспорядочные мазки красок, создававшие на полотне причудливые пятна. Отойдя на некоторое расстояние и слегка наклонив голову, я прищуривался, и вдруг происходило необъяснимое чудо - цветовой хаос превращался в точное повторение реальности. Еще мгновение - и я обнаруживал на картине и воздух, и пространство, и сверкание красок! Давние картины Района Пичота напоминали мне манеру Тулуз-Лотрека. Их эротичность, возросшая благодаря литературе рубежа веков, жгла мне горло, как капли арманьяка, которыми я поперхнулся. Особенно отчетливо мне запомнилась одевающаяся танцовщица, у нее было болезненно-порочное лицо и рыжие волосы под мышками.

Но больше всего я восхищался картинами, в которых импрессионизм переходил в откровенные приемы пуантилизма. Постоянное сопоставление оранжевого и фиолетового цветов создавало во мне радостное ощущение чего - то иллюзорного, я будто бы смотрел на предметы через призму и видел все в радужных переливах. Этому помогала пробка от хрустального графина в столовой, благодаря которой все становилось «импрессионистичным». Я часто носил эту пробку в кармане, чтобы иметь возможность наблюдать мир «импрессионистически».

Как раз в то утро у меня кончился холст, и я решил употребить для своих живописных упражнений старую дверь, которую выволок из чулана, где ее держали за ненадобностью. Хорошее дерево и - если расписать середину - готовая добротная рама. Я принялся за натюрморт, который обдумывал уже несколько дней. Для начала вывалил на стол лукошко с вишнями, и солнце немедленно впилося лучом в

вишенку, разжигая во мне экстаз вдохновения. Вот что я задумал: - напишу картину тремя - только тремя! - красками без всяких кистей, просто выдавливая краску из тюбика прямо на дверь. Киноварь для светлого бока вишни, кармин - для тени и белила - для солнечного блика. Я ринулся на приступ. Три мазка - и вишня готова. Ток, ток, ток - тень, свет, блик, тень, свет, блик. Почти сразу я попал в ритм мельницы - вода плескала в такт моим мазкам.

Картина изумила всех, кому случилось ее видеть, а сеньор Пичот, оглядев ее, во всеуслышание пожалел, что написан натюрморт на двери - тяжелой, громоздкой, да еще изгрызенной древоточцем. Разинув рты, домочадцы стояли у картины, когда кто-то из внимательных зрителей заметил, что ни у одной из вишен нет хвостика. И правда, о хвостиках я позабыл, но в тот же миг меня осенило. Я схватил горсть вишен и стал торопливо есть их, вдавливая хвостики в краску. То был последний гениальный штрих! Мои вишни казались куда реальнее тех, что я ел. Но и это не все. Я уже упоминал о древоточцах, так вот: не только дверь, но и вишни - те, что я ел, - оказались с червяками. Ходы же, прорытые короедами в двери, вели прямым в нарисованные мною вишни! И я принялся пинцетом вытаскивать червячков из вишен, а древоточцев из двери и менять их местами. Оцените изящество замысла! Я перетаскивал уже четвертого, если не пятого червячка, когда кожей почувствовал, что сеньор Пичот стоит у меня за спиной и наблюдает мои безумные манипуляции. Я знал, что он по достоинству оценил демарш с хвостиками, но червячки, именно червячки сразили его наповал. На этот раз он даже не улыбнулся (а прежде мои проделки вызывали у него бурные приступы хохота). Он задумался, помолчал и, проронив, ни к кому не обращаясь: «Это гениально!» - исчез».

Не ограничившись тем, что его сын был принят в старшие классы осенью 1916 года, Сальвадор Дали Куси одновременно записал его в католический Коллеж братьев Марист, расположенный на бульваре Рамбла (это здание под номером 21 в наши дни занимает Испано-Американский банк). Предметы в школе и коллеже совпадали, темы уроков дублировались, но помимо этого дети получали некоторое религиозное образование, присутствуя на ранних утренних службах и слушая проповеди. Двойная система образования широко практиковалась в Испании и была популярна в семьях среднего класса, готовящих сыновей к поступлению в университет.

«Я продолжал учиться - кое-как. Все знакомые уговаривали отца смириться с тем, что я стану художником, в особенности учитель рисования сеньор Нуньес, который ни дня не сомневался в моем таланте. Но отец тянул с решением - его пугала свободная профессия, он предпочел бы занятие понадежнее. Однако отец всячески способствовал моему художественному образованию: покупал мне нужные журналы, книги, кисти, краски, холсты и вообще все, что я просил и без чего спокойно мог обойтись, повторяя при этом: «Ладно. Кончишь институт, а там посмотрим».

К счастью, в школе был прекрасный учитель рисования, Хуан Нуньес Фернандес (1877-1963), андалузец из Эстепоны (близ Малаги). Нуньес был выпускником Королевской Академии искусств Сан-Фернандо, где удостоился двух премий. Специализировался он по гравюре. В 1899 году Нуньес продолжил обучение в Испанской Академии изящных искусств в Риме, а в 1903 году переехал в Париж. Свою

должность в Фигерасе он занимал с 1906 года. Высокий, красивый, скромный человек с военной выправкой, унаследованной им от отца, подполковника испанской армии. Наделенный божьим даром, он пользовался большим авторитетом и был учителем по призванию.

«Внимательнейшим образом я выслушивал сеньора Нуньеса - и делал наоборот. Так мне удалось совершить кое-какие открытия технического плана. Помню, как-то мы рисовали нищего. У старика-натурщика была великолепная борода - белоснежная, вся в мелких завитках, легкая, как пух. Сеньор Нуньес взглянул на мой лист и заметил, что я слишком черню - «не будет эффекта белизны». Он велел взять чистый лист и начать заново - тончайшим карандашиком, легчайшими, едва заметными штрихами, «дабы сохранить белизну». Я же, едва он отвернулся, принялся густо штриховать лист, выбрав самый жирный карандаш. И штриховал с таким рвением, что прочие ученики, оставив свои рисунки, сгрудились возле меня, наблюдая, что выйдет. Я, несомненно, схватил сходство, но в конце концов, доводя рисунок, все испортил густой штриховкой. На другой день сеньор Нуньес при виде содеянного, горестно воскликнул:

- Я же велел совершенно иначе! Видишь что вышло?

Я ответил, что еще не закончил. Схватил склянку с китайской тушью, обмакнул в нее кисточку и принялся чернить то, что в природе было ослепительно белым. Учителя осенило:

- Ты рисуешь негатив!

- Я рисую то, что вижу.

- Если ты собираешься поправить дело мелком, не выйдет - на тушь мелок не ляжет. Но я взял не мелок, а перочинный ножичек, стал скрести - и тогда из черноты выступила сияющая белизна. Там же, где ее требовалось приглушить, пришлось поплевать и размазать - легли прозрачные сероватые тени. Борода старика в моем исполнении изумляла реализмом, особенно после того, как я догадался чуточку разлохматить выскребленные места лезвием, чтобы передать пушистость фактуры. Когда сеньор Нуньес подошел ко мне в третий раз, он остолбенел, лишился дара речи, а чуть погодя едва не удушил меня в объятьях, восторженно провозглашая:

- Да он же гений, этот Дали! Гений - и ничего не попишешь!»

Нуньес за шесть лет научил Дали всему, что умел. Дали признал это в «Тайной жизни», значительно преувеличив число учеников, с которыми был вынужден конкурировать:

«Он был просто снедаем страстью к искусству. С самого начала он выделил меня среди сотни учеников нашего класса и пригласил к себе домой, чтобы растолковать каждую линию гравюры Рембрандта, подлинником которой он обладал. Нуньес как-то особенно держал гравюру, почти не касаясь, что говорило о глубочайшем благоговении перед ней. Я уходил от сеньора Нуньеса, охваченный намерением достичь еще больших высот, мои щеки горели от творческого тщеславия». Тридцать лет спустя Дали пошел еще дальше в своей оценке, сказав, что именно Нуньеса он уважал как наставника более других.

Воскресным утром в начале февраля 1921 года Карме Роже по дороге в церковь

встретила Сальвадора, Анну Марию и Каталину Доменеч. Она уже слышала, что мать художника в барселонской больнице готовится к серьезной операции. Семья в подавленном настроении шла в церковь к утренней мессе, чтобы помолиться о скорейшем выздоровлении матери. Но Фелипа Доменеч не выздоровела, скончавшись от рака матки 6 февраля 1921 года в возрасте сорока шести лет после операции в столичной больнице Рибаса-и-Рибаса. Хотя Анна Мария Дали писала позже, что несчастье случилось неожиданно, в газетном некрологе говорилось о смерти, наступившей после «долгой и тяжелой болезни», что более правдоподобно. Фелипа Доменеч была похоронена на кладбище «Побле Ноу» в склепе, где уже покоились Галь Дали и Тереза Куси.

«Смерть матери настигла меня как сокрушительный удар. Ни прежде, ни после мне не довелось испытать ничего подобного. Я боготворил мать и знал, что ни одно существо на свете не может с ней сравниться. Я знал, что она - святая, что ни одна душа, сколь бы ни были очевидны ее достоинства, не способна достичь тех высот, где обретается душа моей матери. Ее доброта искупала все - и в том числе мои изъязны. Я не мог примириться с утратой. Мать любила меня такой великой и гордой любовью, которая не ошибается,- я просто обязан был явить гениальность, пусть даже в пороке. Смерть матери я воспринял как оскорбление, нанесенное мне судьбой: это не могло случиться ни с нею, ни со мной! И я ощутил, что в глубине моей души возрастает, расправляя могучие ветви, великий ливанский кедр отмщения. Наступив на горло рыданиям, я поклялся сияющими мечами славы, что заблестят когда-нибудь вокруг моего имени, отвоевать мать у смерти».

Дали пишет в «Тайной жизни», что смерть матери стала тягчайшим ударом, который он испытал в своей жизни; из-за этой потери он еще более утвердился в своем желании достичь славы любой ценой. «С зубами, стучащими от плача, я поклялся, что вырву свою мать из когтей смерти и одарю ее лучами света, который будет ярко сиять вокруг моего прославленного имени».

Анна Мария вспоминает об этой поездке в книге «Сальвадор Дали глазами его сестры», описывая впечатление, которое произвела на мадридцев эксцентричная внешность ее брата: длинные, почти до плеч, волосы, чрезмерно пышные бачки, накидка до пят, золоченая трость. Вообще они втроем - оживленно жестикулирующие и болтающие друг с другом по-каталански - представляли живописное зрелище. Причем яркая внешность Сальвадора дополнялась привлекательностью его пышущей здоровьем четырнадцатилетней сестры и дородностью нотариуса, чью массивную лысую голову украшали редкие пряди совершенно белых волос.

«Два дня (на вступительных экзаменах в Школу Изящных Искусств) я работал спокойно, все получалось как надо, но на третий день смотритель в разговоре с отцом (они успели познакомиться, пока отец дожидался меня) заметил, что я могу не сдать экзамен:

- Мне трудно судить о художественных достоинствах рисунка, но вижу, что сделан он не по правилам: сам рисунок маловат, а поля слишком велики. Посмотрите, какие поля у других абитуриентов!

Отец пал духом настолько, что долго не решался дать мне совет. Что делать? Кончать этот рисунок, и будь что будет, или приниматься за новый? Весь вечер, пока мы прогуливались, он ломал себе голову, а после, в кино, посреди сеанса вдруг громко спросил:

- А может, рискнуть? Начать заново? - И, помолчав, добавил: - Ведь впереди еще три дня!

На нас уставился весь зал. Я никогда не упустил случая помучить отца, но на этот раз его тревога передалась и мне - было уже не до шуток.

- Выспись как следует,- сказал отец, прощаясь со мной на ночь,- и не думай об этом, а утром решишь, как поступить.

Ночь - и я вновь очутился перед чистым листом! Так прошел третий день. Взглянув на меня, отец сразу понял, что дела плохи:

- Ну как?

- Я начал снова,

- И получается?

- Я еще почти ничего не сделал - искал пропорции, надо же наверняка!

- Конечно, надо наверняка, но все-таки... целый день ушел на пропорции... Зря я тебе посоветовал начать новый рисунок!

Выйдя, я увидел отца с газетой. Он, молча, посмотрел на меня, но ни о чем не спросил.

- Я сделал потрясающий рисунок,- сказал я спокойно,- но он много меньше первого.

Слова мои обрушились на отца как бомба. Впрочем, столь же ошеломителен был вердикт комиссии. Меня приняли в Школу Изыщных Искусств «несмотря на несоответствие представленной работы требуемым размерам, ибо рисунок выполнен столь безукоризненно, что комиссия считает возможным отступить от правил».

Как и предчувствовал Дали, он поступил в Академию Сан-Фернандо, несмотря на размеры своего рисунка. Дон Сальвадор вместе с Анной Марией, уставшие от беспокойства, облегченно вздохнув, уехали в Фигерас, оставив Дали под присмотром каталонского студента Хосефа Форматер.

Постепенно Дали начал «выходить из своей скорлупы». К этому его побудил один из самых заметных обитателей Резиденции Хосе Бельо Ласьерра (Пепин), которому Дали в «Тайной жизни» приписывает честь «открытия себя»:

«Однажды, когда меня не было в комнате, горничная оставила дверь открытой, и Пепин Бельо, проходя мимо, увидел две мои кубистические картины. Он не мог удержаться, чтобы не оповестить об этом открытии членов своей группы. Эти знали меня только в лицо, и я был объектом их едких насмешек: они называли меня то «скрипачом», то «художником», то даже «поляком». Мой нарочито романтический стиль в одежде дал им повод судить обо мне неуважительно; сами они были приверженцами современной европейской моды. Мой серьезный вид и отсутствие чувства юмора побуждали их ехидно считать меня существом, отмеченным умственной недостаточностью и обладающим слишком экзотической внешностью. Действительно, ничто на свете не могло сильнее контрастировать с их английскими костюмами и жакетами для гольфа, чем мои бархатные жилеты и болтающиеся

шейные платки. Их элегантные прически, над которыми регулярно трудились парикмахеры «Ритца» и «Палас-Отеля», резко контрастировали с моими длинными спутанными космами до плеч. Вся эта компания денди и учеников внушала мне поначалу ужас. Когда они появлялись в моей комнате, я впадал в полубоморочное состояние».

Девятого октября 1922 года, спустя всего несколько недель после переезда Дали в Резиденцию, в возрасте восьмидесяти лет умерла его бабушка по матери, Мария Анна Феррес. Она была похоронена рядом с первым Сальвадором. Анна Мария Дали вспоминает, что последними словами бабушки были: «Мой внук - в Мадриде. Мой внук будет великим художником. Самым великим в Каталонии». Ее смерть оказалась еще одним ударом для ее дочери Каталины, тетушки Дали, которая еще не полностью оправилась от потери своей сестры Фелипы в прошлом году.

«В ту пору генерал Примо де Ривера, отец Хосе Антонио, основателя Фаланги, жестоко расправлялся с любым проявлением бунтарства. Недавние выборы возбудили новый всплеск политической активности, и все мои фигерасские друзья оказались революционерами. Отцу же, исполняя свои профессиональные обязанности, приходилось не раз документально заверять злоупотребления, совершенные правыми при подготовке и проведении выборов. Не появившись я в Фигерасе, это, возможно, осталось бы без последствий, но я принялся на каждом углу разглагольствовать об анархии и монархии, привлекая всеобщее внимание. Все это в итоге и привело меня в тюрьму. Отец мог бы подробно и точно описать случившееся, я же ограничусь тем, что упомяну об этом колоритном анекдотическом эпизоде моей жизни». Отец Дали, уверенный в полной невинности своего сына, приехал в Мадрид, предприняв собственное расследование, а заодно занялся другими делами. Директор Мигель Блей заявил ему, что Сальвадор - «большевик от искусства». Дон Сальвадор беседовал также с некоторыми студентами, учителями и даже с дворниками. Кристино Мальо в подробностях вспоминает его визит. Будучи человеком вспыльчивым, нотариус схватил одного из учителей за грудки и собирался было ударить. Он пришел к выводу, что во всем виноват Рафаэль Доменеч. В итоге дон Сальвадор составил от имени сына прошение и направил его в Министерство образования.

Несмотря на уверенность Дали Куси в том, что поведение его сына станет безупречным, Сальвадор явно вознамерился отомстить Академии и ее учителям, ибо его переполняло презрение к ним. Он знал, что его поддерживали многие друзья и сторонники, включая влиятельного театрального режиссера и критика Сиприано Риваса Черифа, который в марте 1924 года напечатал статью «Дело Сальвадора Дали» в одном из ведущих журналов страны «Espania» («Испания»), - Дали регулярно читал его с октября 1919 года. По мнению автора, Дали не был замешан в школьных беспорядках, но он был «неудобен», чем и вызвал гнев консервативных преподавателей. «Возможно, своим суровым обращением они только спровоцируют упорство художника, чье дарование не может быть зависимым от каких - либо преград», - писал Ривас Чериф. И в этом он оказался прав. В письме домой Дали сообщил: «Это был единственный способ с достоинством противодействовать их

гадкому обращению, любое другое поведение означало бы примирение с несправедливостью, и я нахожу абсолютно неправильным, что невежественные люди осмеливаются экзаменовывать меня». На следующий день Дали уехал в Барселону. Пришла хорошая новость - граф Эдгар Невиль (известный испанский драматург, журналист и дипломат) намеревался купить его картину с изображением Мадонны и просил назначить цену. «Значит, я богат! - воскликнул Сальвадор и добавил: - Как только я приеду в Кадакес, я буду вновь писать». Это обещание не могло утешить его отца, но, тем не менее, Дали смог за лето убедить его, что решение комиссии было несправедливым.

Сохранился отцовский комментарий к исключению Дали. 12 ноября 1926 года приказ об исключении был опубликован в «Бюллетене Министерства образования и изящных искусств». Дон Сальвадор подшил приказ в свой альбом и на семи страницах высказал мнение по поводу «этой отвратительной Академии, о которой можно сказать, что она «достойно» представляет нашу несчастную Испанию». Незнание собственных законов, систематические прогулы преподавателей, произвол в оценке знаний, Рафаэль Доменеч - «наиглупейший из всех испанских педагогов» - преподает историю искусств! Что касается графики (одной из специализаций Академии), то счастливой удачей можно считать то, что у его сына в Фигерасе был прекрасный учитель Хуан Нуньес... Короче, не Академия, а просто несчастье. Неудивительно, что Сальвадор оказался жертвой этого испорченного и бесчестного заведения.

«Как же, должно быть, густо насыщена жизнь такими вот уплотнениями, состоящими из смеси случая и исступленной ловкости! Что заставило меня вспомнить о своем отце, когда одним июньским утром тот зарычал как лев:

- Идите все сюда! Скорей! Скорей!

Мы тут же все сбежались, не на шутку встревожившись, и застали отца, указывающего пальцем на восковую спичку, вертикально стоявшую на шиферных плитках. Зажегши сигару, он подбросил спичку высоко вверх, и та, описав порядочную петлю и, скорей всего, погаснув в полете, вертикально упала вниз и, прилипнув концом к раскаленной плитке, встала торчком и снова от нее зажглась. Отец, не переставая созывал крестьян, которые уже столпились вокруг него:

- Сюда! Сюда! Такого вы уже больше никогда не увидите!

В конце обеда я, все еще находясь под сильным впечатлением этого столь взволновавшего меня происшествия, изо всех сил подбросил вверх пробку, и она, ударившись о потолок, отскочила потом от верха буфета и, в конце концов, замерла в равновесии на краю карниза, на котором висели портьеры. Это второе происшествие свергло отца в состояние полной прострации».

В Фигерасе я понял, что мое исключение поразило отца в самое сердце, не оставив никакой надежды на официальное профессиональное продвижение. В этом душевном состоянии я и запечатлел его с сестрой на одном из моих лучших карандашных рисунков. Взглянув на него, всякий поймет, как тяжело переживал отец исключение- лицо его исполнено горечи и скорби».

«Через несколько дней я получил от отца письмо, в котором он объявлял мне, что я

ему больше не сын. Я не намерен раскрывать здесь тайные причины, подвигшие отца принять это решение, это касается только нас двоих». На самом деле там была причиной одна из картин, на которой было написано в аллегорическом смысле «Я плюю на портрет своей матери», позже Дали объяснил это тем, что «во сне мы все причиняем боль людям, даже любимым». Но тогда Сальвадор Дали вызвал бурю отцовского гнева, вследствие чего последовали выгоняние из отчего дома, уменьшение доли наследства и долгий путь борьбы с отцом. «Я не стану беречь рану, повлекшую за собой целых семь лет разлуки, - мы оба достаточно выстрадали. Когда я прочел письмо, мне страшно захотелось постричься наголо. Но этого мне показалось мало - я велел обрить себе голову. Свои черные кудри я похоронил в могиле, которую самолично вырыл ради такого случая на берегу. Заодно схоронил там же целую грудку ежиных скорлуп - останки моих полуденных трапез. А после поднялся на холм, откуда виден весь Кадакес, и там долго сидел под оливами, глядя на пейзаж моего детства, отрочества, юности и всей моей жизни».

И грянул жестокий бой - пришел час моего единоборства с жизнью, а я-то до последней минуты надеялся, что как-нибудь обойдется. Ведь обходилось - до той поры мне приходилось одолевать лишь воображаемые препятствия, причем все преимущества были на моей стороне. К тому же мне помогала любовь, это она - безумная любовь - спасла меня от безумия.

«Итак, я возвращаюсь в Кадакес - уже не сын всеми уважаемого нотариуса Дали, а побродяжка, изгнанный из родного дома, да еще спутавшийся с чужой женой, вдобавок ко всему - русской! Мы жили вдали от всех. Скалы, иссушенная земля, стаи голодных котлов, ветра, искореженные лозы, вереница сумасшедших за домом, Рамон - блохастый насмешник в роскошной куртке с чужого плеча и рыбаки. Сколько в них сдержанности и благородства! С каким достоинством они, не дрогнув, встречают свой смертный час - что из того, что под ногти забился рыбий потрох, а бурые ступни задубели! Там, за холмом, в пятнадцати минутах ходьбы, в Кадакесе - дом, где прошли мое детство и юность, дом, откуда я изгнан. Я знаю - отчий гнев не утих, отчужденностью веет из-за холма, за которым, если смотреть со скалы, виден родной дом - белый квадратик, кусочек сахара, пропитанный желчью»...